

М-520, 149

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

Уч-Р
2203

Госуд. Книжный Фонд

НЕВОЕННЫЙ ДНЕВНИКЪ

1914 — 1916

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1945

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА Х.Д.У.
Инв. № 112848

ПЕТРОГРАДЪ
К-во „ОГНИ“
1917

58
98
ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 1980

I.

Куда идетъ Россія? Великіе русскіе писатели отвѣчаютъ на этотъ вопросъ,—какъ бы вѣчныя вѣхи указываютъ путь Россіи.

Послѣдняя вѣха—Толстой. За нимъ—никого, какъ-будто кончились пути Россіи. За Толстымъ никого — или Горькій.

По сравненію съ тѣми, великими, Горькій малъ. Мало все, что рождается; велико все, что выросло, достигло своего предѣла и конца. Великимъ кажется прошлое, малымъ—будущее. Вотъ почему Горькій и тѣ, великіе,—младенецъ и взрослые, ростокъ, изъ-подъ земли едва пробившійся, и дремучіе, древніе дубы. Но они кончаютъ, а онъ начинается. Они—настоящее и прошлое, а онъ — будущее. Откуда идетъ Россія, можно судить по нимъ, а куда,—по Горькому.

Сознаніе, идущее къ стихіи народной, воплотилось въ тѣхъ, великихъ. Обратное движеніе—народная стихія, идущая къ сознанію, воплотилась въ Горькомъ.

Сознаніе надъ стихіею властвуетъ. Народъ, идущій къ сознанію, есть народъ, идущій къ власти. Возникающее сознаніе народа—возникающая власть народа — „народовластіе“, „демократія“. Горькій есть первый и единственный сейчасъ представитель возникающей русской демократіи.

Лица тѣхъ великихъ—геніально личныя, неповторяемыя; такихъ лицъ никогда еще не было и никогда уже не будетъ. У Горькаго какъ бы вовсе нѣтъ лица; лицо какъ у всѣхъ, собирательное, множественное, всенародное. Но правда единственныхъ, правда личностей („аристократія“ въ

«Мнѣ хотя нужно писать, но я не пишу черезъ свои трудныя матеріальныя обстоятельства. Я—человѣкъ непри-
вилегированнаго класса, какъ крестьянинъ, рабочій—всякое
время нужно убивать для насущнаго хлѣба... Мы, реальные,
должны добывать хлѣбъ трудомъ и смертию»...

Это пишетъ въ частномъ письмѣ Архипъ, бывший се-
вастопольскій матросъ, который участвовалъ въ движеніи
1905 года, бѣгалъ, сидѣлъ въ тюрьмахъ; потомъ вышелъ
изъ военной службы, зажилъ въ деревнѣ крестьяниномъ;
ушелъ и оттуда, а въ настоящее время служить рабочимъ
на одномъ изъ московскихъ заводовъ.

«Я все своимъ умомъ кренился къ Божьей правдѣ...
Много я думалъ, что такое жизнь, какъ понять ее ближе
къ истинѣ. Читалъ сколько,—соціальныя книги, декадент-
скія, Евангеліе. Дверь истины заперта. Въ послѣднее время
сталъ больше прислушиваться къ шуму за дверью истины»...

Письмо такъ безграмотно, что трудно не только по-
нять, но и прочесть. Чудовищныя іероглифы, дѣтскія кара-
кули о глубочайшихъ вопросахъ метафизики, мистики,—
о жизни, о смерти, о Богѣ, о вѣчности.

Несмотря на безграмотность и косноязычіе, — иногда
вдругъ страшная сила языка, но какая-то не личная, а
общая, стихійная, какъ въ древнихъ былинахъ, сказкахъ
и пѣсняхъ народныхъ. Въ отдѣльномъ голосѣ—гулъ голо-
совъ безчисленныхъ. Сила стихійная, безсознательная. Ка-
жется, сознай себя пишущій «писателемъ», и все исчез-
нетъ, растворится въ полуинтеллигентной, полуграмотной
тусклости.